

МАЛАГАСИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

И. Л. Бузук

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

Поступила в редакцию 10 сентября 2017 г.

Аннотация: в статье представлены результаты анализа способов передачи малагасийских реалий средствами французского языка. Исследование проводится на материале произведений малагасийцев-франкофонов с привлечением терминологии, разработанной в рамках теории реноминации.

Ключевые слова: *реалия, лингвокультура, действительность, R-реалии, C-реалии, L-реалии.*

Abstract: *the article presents the analysis of the ways in which the names of Malagasy realias can be expressed by the means of the French language. The research is conducted on the material of Francophone Malagasy literary works with the use of terminology developed within the framework of the renomination theory.*

Key words: *realia, linguistic culture, reality, R-realia, C-realia, L-realia.*

Общеизвестно, что на Великом Красном Острове малагасийский язык сосуществует и взаимодействует с французским, следствием чего является функционирование билингвизма, являющегося одним из наиболее ярких проявлений межкультурной коммуникации и подразумевающего взаимодействие двух лингвокультур. Не секрет, что французский язык стал ключом во внешний мир для ряда малагасийских писателей, в сознании которых происходит пересечение двух картин мира, наблюдается осмысление действительности Мадагаскара как на малагасийском, так и на французском лексикодах.

Объектом исследования настоящей работы являются слова-реалии. Необходимо оговориться, что под словами-реалиями мы понимаем «языковой знак, обозначающий свойственный одной культуре и отсутствующий в другой натурфакт/артефакт, отличающийся вещностью денотата, а также ментефакт, определяющий моральные, художественные ценности нации и черты ее национального менталитета» [1, с. 10].

Руководствуясь положениями теории реноминации [2, с. 5], мы предприняли попытку провести анализ процесса передачи малагасийскими литераторами слов-реалий членам французского речевого коллектива.

Базой для экспериментальной части исследования стали 12 произведений малагасийцев-франкофонов (Ш. Рафенумандзату, К. Ранаривелу, Ж. Л. Рахаримананы, Ж. Ж. Рабеаривелу, М. Ракутусуна и др.), откуда были выписаны контексты, содержащие описания реалий малагасийской культуры. Суммарная длина исследуемого текста, на которую пришлось 886 примеров, составила 551 127 словоупотреблений. Отмеченные величины позволяют вычислить частоту

употреблений малагасийских реалий во французских текстах – 1,61 унам (ipm).

В ходе анализа процесса передачи малагасийских C-реалий (500 примеров) и малагасийских R-реалий (386 примеров) средствами французского языка было выявлено 5 типов реноминации, представленных на рисунке.

Рассмотрим подробнее на конкретных примерах каждый из представленных типов реноминации малагасийских реалий.

«Чужая» R/C-реалия → «чужая» L-реалия

Количество примеров с использованием «чужой»/малагасийской L-реалии в простом типе реноминации составило 432, что на 19 случаев меньше по сравнению с появлением «чужой» L-реалии в комплексных типах реноминации (451 пример). Суть данного способа заключается в следующем: использование чужой лексической единицы, созданной путем транслитерации/транскрипции, при этом заимствование происходит вместе с понятийным концептом. Например:

Aussi loin que mes yeux me projettent dans le souvenir, je n'avais jamais vu autant de terrains bradés aux vahiny (Сколько себя помню, я никогда не видел столько земель, проданных вахини¹) [3, с. 64].

Давид Дзумануру, автор книги, откуда был взят приведенный пример, оставляет малагасийское слово *vahiny* непонятным французскому реципиенту. Для более полного осмысления этой лексической единицы необходимо осуществить поиск дополнительной информации. В двуязычном переводном словаре А. Абиналя и В. Мальзака находим: *VAHINY – Un étranger, un voyageur, un hôte (иностранец, путешественник, гость)* [4]. Безусловно, подобная

¹ Здесь и далее перевод с французского наш. – И. Б.

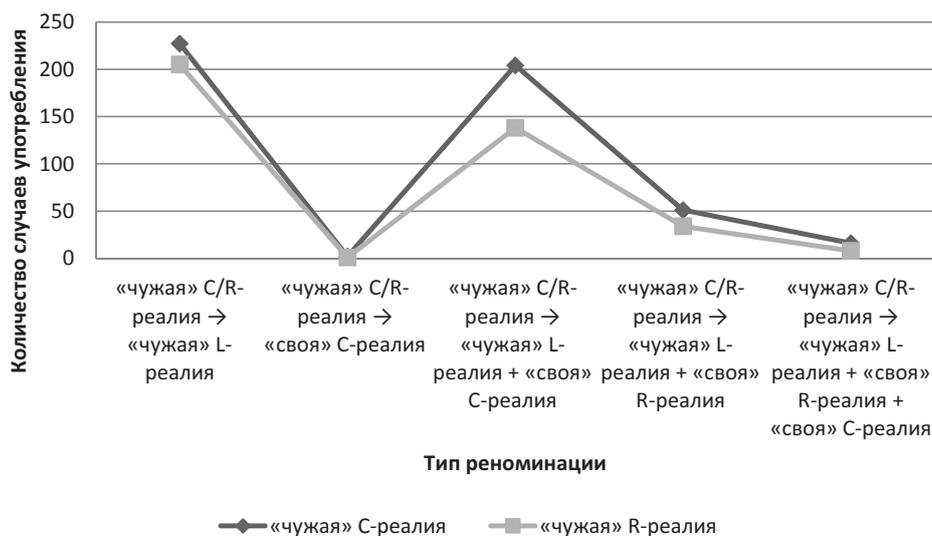

Рисунок. Реноминация реалий в произведениях малагасийцев-франкофонов

номинативная единица является «наиболее национально окрашенной, так как отражает национальную культуру и содержанием, и формой» [5, с. 90].

Faut-il parler de fahamasinana quand on reprend les mêmes méthodes brutales du régime précédent? (Надо ли говорить о фахамасинане, когда мы принимаем те же жестокие методы прежнего режима?) [6, р. 203].

Как и в предыдущем примере, автор обременяет французского реципиента непонятным ему транслитерированным малагасийским словом, значение которого можно понять, лишь прибегнув к помощи словаря: *Fahamasinana – Sainteté, vertu (святость, добродетель)* [7].

Малагасийская реалия *kalanoro* встретилась нам в 3 из 12 произведений, откуда было выписано 7 контекстов, содержащих указанное слово. Во всех 7 контекстах при ревербализации чуждого для французского читателя явления было отмечено использование транслитерированной малагасийской L-реалии:

Avec Vero, nous avons parcouru de grandes distances et n'avions pas trouvé de kalanoro (С Веру мы преодолели большие расстояния, но калануру так и не встретили) [8, с. 97].

Or, quand elle se trouva devant les bêtes, Kalanoro n'osa pas s'exécuter, et préféra se sauver (Итак, оказавшись перед животными, Калануру не посмела покориться, а предпочла убежать) [9, р. 14].

Необходимо, однако, отметить, что последние два примера со словом *kalanoro*, репрезентирующие тип реноминации по схеме «чужая» C-реалия → «чужая» L-реалия, в отличие от других примеров подобного типа реноминации, предваряются раскрытием смысла малагасийской L-реалии при ее первичном введе-

нии в текст повествования. Дальнейшее появление инокультурной L-реалии в произведении не сопровождается комментариями, объяснениями, сносками и т. д., что, неоспоримо, ведет к повествовательному разрыву, поскольку читателю приходится либо возвращаться к странице с экспликацией чуждого явления, либо обращаться к словарю. Не утруждая себя поиском той страницы произведения, где толкуется значение малагасизма, заглянем в словарь: *KALANORO – Nom d'une naine fabuleuse censée habile dans la médecine (название сказочной карлицы, разбивающейся в медицине)* [4].

В общей сложности из 432 в 346 случаях введению «чуждой» L-реалии в простом типе реноминации предшествует заблаговременное раскрытие ее смысла, что дает нам основание перейти к рассмотрению следующего типа реноминации.

«Чужая» R/C-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» C-реалия

Анализируемый тип реноминации является вторым среди наиболее часто используемых малагасийцами-франкофонами типов реноминации при описании лингвокультурного пространства своей страны – 342 примера.

Вернемся к примерам со словом *kalanoro*:

Nous avons découvert cette vallée par hasard en partant à la recherche d'un kalanoro, ces petits êtres chevelus aux grands pouvoirs qui avaient la faculté de se rendre invisibles (Мы обнаружили эту долину случайно, отправившись на поиски калануру, маленьких мохнатых существ, наделенных большими способностями, одна из которых – превращаться в невидимку) [8, с. 97].

Будучи впервые введенным в повествование, малагасизм *kalanoro* (L-реалия) сопровождается автором книги достаточно развернутой экспликацией – «своей» C-реалией, способствующей расширению концептосферы французского читателя, формированию нового понятия в его сознании. Из примера видно, что «своя» C-реалия дается непосредственно по ходу повествования, но зачастую толкование слова осуществляется в постраничных сносках, послетextовых примечаниях, комментариях, послесловиях и т. д.

Mais pendant qu'elle était sous l'eau, surgit brusquement Kalanoro, qui prit place dans la pirogue (Пока она была под водой, внезапно появился Калануру и забрался в пирогу) [9, с. 13].

В этом случае явление малагасийской действительности представлено путем введения «чужой» транслитерированной L-реалии с той лишь разницей, что ее объяснение, представляющее собой с позиции теории реноминации развернутую «свою» C-реалию-экспликацию, дается автором произведения в сноске внизу страницы: *Selon la légende populaire, être de petite taille habitant la forêt profonde et qui a le pouvoir de se rendre invisible ou de prendre une apparence humaine (Согласно народной легенде, крохотное существо, обитающее в дремучих лесах и наделенное способностью превращаться в невидимку или принимать человеческий облик).*

C-реалия-экспликация может быть в разной степени развернутой или быть предельно краткой. Для сравнения:

J'imaginai un dahalo, quelque sorcier malfaisant ou l'une de ces créatures de nos mythes: bibiolona, kokolampo ou kalanoro (Я представлял себе дахалу, некоего злого волшебника или одного из этих мифических существ: бибиолуна, кукулампу или калануру) [6, с. 209]. Слово *kalanoro*, обозначающее инокультурную реалию, не вызвало бы никаких ассоциаций во французском сознании без введения «своей» C-реалии, конкретизирующей, о чем идет речь, – *une créature des mythes (мифическое существо).*

Из приведенных примеров становится ясным, что трактовка малагасизма через C-реалию видится как трактовка лексемы посредством идентификатора (существо) и дифференциальных признаков (маленькое, мифическое, мохнатое, превращается в невидимку, приобретает человеческий облик, обитает в дремучих лесах и т. д.). Одни авторы склонны к детализации и приводят полные, подробные толкования, другие авторы опускают дифференциальные признаки при описании слова. Анализ, сопоставление подобных дифференциальных признаков в выписанных нами контекстах, содержащих малагасизмы, призваны помочь в формулировке определенной дефиниции малагасийской реалии, например при составлении словаря.

«Чужая» C/R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия

В том случае, когда «чужая»/малагасийская реалия вытесняется из сознания той «мыслительной картинкой», которая прекрасно знакома всем носителям французского языка, приходится говорить о типе реноминации, предполагающей введение «своей» R-реалии. Схематически обозначенный выше тип реноминации дал 85 примеров на исследуемом материале. Столь невысокий процент его частотности может свидетельствовать о трудностях/невозможности подбора аналога во французской лингвокультуре, а следовательно, об удаленности малагасийской и французской концептосфер. Обратимся к примерам.

L'enfant avait l'habitude de chanter, toutes les fois qu'elle chassait les fody (Всякий раз, когда ребенок охотился на фуду, он пел) [9, с. 42]. Далее внизу страницы следует сноска: *moineau (воробей)*. Стремясь внести ясность, автор проводит параллель с французской лингвокультурой, пытается найти точку соприкосновения, которую находит во французской R-реалии – *moineau*, способствующей быстрейшему пониманию того или иного факта «чужой» культуры.

Для наглядности рассмотрим этот же малагасизм в другом контексте: *A l'arrière, voletaient, telles des hitsikitsike, les mains des danseuses royales parées de leur lamba comme autant de plumes de fody écarlates (Позади, словно хицикицике, порхали руки королевских танцовщиц, одетых в ламбы, напоминающих ярко-красное оперение фуду)* [10, р. 72]. Сноска в конце страницы конкретизирует: *fody – passereau, aussi appelé oiseau cardinal, endémique de Madagascar, dont le mâle se pare de plumes rouge écarlate pendant la saison des amours (воробей, именуемый также птица кардинал, эндемик Мадагаскара, самец которого в период сезона размножения приобретает ярко-красную окраску оперения).* В приведенном примере толкование малагасийской реалии осуществляется посредством «чужой» L-реалии с дальнейшей ее экспликацией через «свою» C-реалию, которая также содержит упоминание о птице *воробей*, но уточняет, что речь идет о мадагаскарском эндемике. Этот факт предполагает разность образа, всплывающего в сознании француза и малагасийца: *fody* для малагасийца не то же самое, что *moineau* для француза.

Рассмотрим еще один пример.

Dans ma naïveté et faute d'illustrations, j'imaginai longtemps cette héroïne vêtue d'un lamba blanc et coiffée en tananivoho (По своей наивности и за неимением иллюстраций я долгое время представлял себе эту героиню одетой в белую ламбу и с прической тананивуху) [8, с. 126]. Представленный пример мы отнесли к типу реноминации «чужая» R-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия на том основании, что французское причастие *coiffée* выступает в

качестве аналога неизвестной малагасийской реалии во французской лингвокультуре, репрезентующего, по сути, родовое понятие – *прическа*. Для подтверждения своих предположений обращаемся к словарю: *Tanan'ivóho – Les mains liées derrière le dos; tresses de cheveux, qui, l'une à droite, l'autre à gauche, se réunissent en ovale sur la nuque* (Руки, связанные за спиной; косы, одна справа, другая слева, собранные на затылке в овал) [4].

Во французской прессе, книгах, посвященных Мадагаскару, также можно встретить упоминание о малагасизме *tananivoho*, где отмечается, что у каждой из 18 этнических групп этого острова есть свои особенности, в том числе и в манере плетения волос. Вот что, например, сообщается о традиционной женской прическе *тананивуху*, которую носят представительницы народа мерина: «Retenez que pour accompagner le port du lamba, la seule coiffure féminine traditionnelle est la tananivoho ou tanavoho: les cheveux doivent être longs, divisés en deux et tressés de chaque côté, les deux nattes étant ensuite rassemblées en ovale, en forme de chignon plat, sur la nuque» (Запомните, что ношение ламбы сопровождается единственной традиционной женской прической тананивуху или танавуху: волосы должны быть длинными, их делят на две части, каждая из которых заплетается в косу, после чего две косы собираются на затылке в овальный пучок) [11, p. 276].

Таким образом, введение «своей» R-реалии способствует существенной экономии авторских усилий на отборе языковых средств при передаче реалий: автору требуется всего лишь одно слово, выступающее в качестве аналога/эквивалента неосвоенного малагасизма. Однако любознательный читатель наверняка задастся вопросом: какие же межкультурные различия сглажены автором произведения? Это вынуждает его обращаться к дополнительным источникам информации в поисках ответа. Поэтому следующий тип реноминации по сравнению с предыдущим видится более выигрышным.

«Чужая» R/C-реалия → «чужая» L-реалия + «своя» R-реалия + «своя» C-реалия

Указанный тип реноминации представлен сравнительно небольшим количеством примеров – 24 случая. Проанализируем некоторые из них.

Le district n'organise plus de concours de fampitaha (Район больше не организует конкурс *фампитаха*) [8, с. 193]. Малагасийская C-реалия осваивается французским языком путем введения в текст транслитерированной L-реалии – *fampitaha*, где для облегчения понимания смысла малагасизма ей предшествует «своя» R-реалия – *конкурс*, не раскрывающая национально-специфические особенности малагасийского явления. Далее слово сопровождается ав-

торским лексикографическим материалом: в конце книги приводится словарь малагасийских слов и выражений. Представленная там трактовка малагасизма является, по сути, «своей» C-реалией: *fampitaha (taha, comparaison): concours de danses et de parures organisé par les souverains de l'Imerina. Les candidates les plus remarquables étaient invitées à danser au Palais et les meilleures étaient distinguées. Désigne aussi un jeu de petites filles inspiré de ce concours (fampitaha (taha, comparaison): конкурс танцев и украшений, организуемый правителями Имерины. Самые выдающиеся девушки-кандидаты приглашались во дворец, где отмечали лучших из них. Также это слово обозначает игру маленьких девочек, вдохновленных этим конкурсом).*

Автор дает вполне развернутую дефиницию малагасийскому явлению, практически полностью совпадающую с дефиницией этого же слова в словаре А. Абиналя и В. Мальзака: *Fampitaha – Ancien amusement des souveraines consistant à faire parer des personnes et à les faire danser au palais, (on adjugeait la palme à la plus capable, à la plus belle); les petites filles continuent encore ce jeu sur les places publiques, surtout au Fandroana, se parent la tête avec des fleurs et dansent deux à deux, l'une en face de l'autre* (Старинное развлечение правителей, заключающееся в том, что людей заставляли наряжаться и танцевать во дворце (победу присваивали самой способной, самой красивой); в общественных местах девочки все еще продолжают эту игру, особенно в праздник фандруана, они украшают голову цветами и танцуют по двое, друг напротив друга) [4].

Другой пример:

Il pourrait même pas rattraper un zébu en fuite, encore moins participer à un combat de "Ringa" (Он не смог бы даже споймать бегущего зебу, не говоря уже об участии в бою «Ринга») [12, p. 204].

В этом примере реалия *RINGA* номинирует вид традиционного малагасийского боевого искусства, формально напоминающего бокс, но без перчаток, вид борьбы голыми руками. Ретранслируя этот малагасизм средствами французского языка, автор наряду с «чужой» L-реалией вводит «свою» R-реалию, представленную гиперонимом – *combat (бой)*. Реноминация осуществляется как непосредственно в ткани повествования, так и в метатексте. «Своя» C-реалия, представленная в сноске, указывает: *RINGA: Sorte de lutte traditionnelle (вид традиционной борьбы)*.

Примечательно, что в правой части словаря А. Абиналя и В. Мальзака, где объясняется заголовочная единица, не содержится упоминания о боевом искусстве: *RINGA – Action de boiter, de clocher en marchant; de se tenir droit sur la pointe des pieds* (Хромота, ковыляние при ходьбе; стояние на цыпочках) [4]. Отметим, что данный вид борьбы известен еще

под другим названием – *moraingy*, чье толкование также отсутствует в словаре А. Абиналя и В. Мальзака, но содержится в другом словаре: *Moraingy – Boxe traditionnelle (традиционный бокс)* [7]. Подтверждение этому находим и в других контекстах, почерпнутых из произведений: *Koto n'était pas bien costaud, mais à Reroa, la distraction favorite des jeunes était le moraingy ou lutte (Куту был не очень силен, но в Реруа любимым развлечением молодежи была борьба мураингу)* [13, p. 169].

Возможен и другой вариант графического оформления слова: *Le chant se rapprochait, entonné par la voix claire de jeunes gens se rendant au tournoi de morengy du village voisin (Приближалось пение молодых людей, идущих в соседнюю деревню на турнир муренгу)* [14, p. 77]. Пояснение в конце книги эксплицирует: *morengy: boxe traditionnelle pratiquée à Madagascar et aux Comores (традиционный бокс, практикуемый на Мадагаскаре и Коморских островах)*.

«Чужая» R/C-реалия → «своя» C-реалия

Последний анализируемый нами тип реноминации представлен весьма скудным количеством примеров (3 случая). Представленный тип реноминации, позволяющий предупредить образование концептуальной лакуны у носителей французского языка, сводится к введению «своей» C-реалии. Например:

Après la fête du bain, la révolte d'Arivonimato fut sévèrement réprimée (После праздника омовения восстание Аривунимату было жестоко подавлено) [10, с. 104]. Человек, хоть немного интересующийся историей и культурой Мадагаскара, наверняка поймет, что здесь речь идет о малагасийском национальном празднике *Fandroana*. В своем произведении К. Ранаривелу опускает введение транслитерированной лексической единицы, т. е. «чужой» L-реалии, выступающей как яркий выразитель малагасийской культуры, и дает лишь экспликацию данного явления через словосочетание *праздник омовения*. Заметим, что данный малагасизм отсутствует в двуязычных словарях [4; 7]. Волей-неволей задаешься вопросом: в чем суть праздника? какова его значимость для малагасийцев?

Достаточно детальное описание этого праздника представлено в одной из книг французского этнолога, географа Гийома Грандидье, где указано, что народный праздник длится примерно неделю и является одним из самых признанных моментов встречи нового года. Вот, что сообщает Г. Грандидье: «Jadis, les Merina jeûnaient tout le mois d'Alohotsy, mais ils se sont peu à peu relâchés et ils ont fini par ne plus observer cette coutume que les deux premiers jours du mois cependant, dès le milieu toutes les affaires étaient suspendues et ceux qui étaient loin de leur pays natal tâchaient autant que possible de revenir dans l'Imerina afin de célébrer le

Fandroana en famille <...> Il était fady, défendu, de répandre le sang d'aucun animal cinq jours avant et cinq jours après le jour du bain, le jour du Fandroana, à l'exception des volailles qu'on pouvait manger ce jour-là, le soir. Pendant les cinq jours qui précédaient la fête, les parents et les amis, vêtus de leurs plus beaux atours, se visitaient, s'offraient mutuellement en témoignage d'amitié, un nofon-kena, morceau de viande, ou un jaka-vola, une petite pièce d'argent, et échangeaient des souhaits. <...> L'avant-dernier jour, le chef des devins sacrifiait devant le souverain entouré des Grands de royaume un coq rouge pour effacer les péchés de l'année qui finissait, et le souverain ainsi que les assistants trempaient l'ongle de l'index de la main gauche dans son sang et s'en mettaient sur le front, le cou, au creux de l'estomac, aux aisselles et sur les ongles et sur les orteils, l'y laissant sécher: quant au coq, on l'emportait au loin et on le jetait. <...> Ce dernier jour de l'an tout le monde se lavait et lavait ses vêtements, puis, vers 8 heures du soir, avait lieu dans le grand palais la cérémonie du bain du souverain, cérémonie tout à la fois de purification, pour racheter les fautes commises dans l'année qui finissait, et d'actions de grâces pour remercier Dieu de lui avoir conservé la vie et lui demander de continuer à lui accorder ses bienfaits pour l'avenir: cette cérémonie consistait: 1° en un bain d'eau lustrale, d'eau sainte, qui, après avoir purifié le souverain, servait à asperger et à purifier ses sujets; 2° en une offrande d'une piastre que chaque caste ou classe de la population merina remettait au souverain en témoignage d'allégeance et de fidélité, et 3° en une communion générale, le tatao, où tous les assistants mangeaient du riz au lait mêlé à du miel avec du jaka, de la viande conservée du Fandroana précédent <...> Le 1er Alahamady, le jour de l'an, à 3 heures du matin, chaque famille donnait un souvenir à ses parents morts, et, dès l'aube, vers 5 heures, on se souhaitait la bonne année et on procédait aux ablutions rituelles en disant: «Bénissez-moi mon Dieu! faites que je vive mille ans en parfaite union avec ma famille!» puis avait lieu le repas communiel de riz au lait, de miel et de jaka dont chacun des membres mettait la première bouchée sur sa tête <...> Au point du jour, on amenait un grand nombre de bœufs dans la cour du palais afin qu'ils, reçussent la consécration royale <...> Dès que le souverain avait fini de pontifier, on faisait sortir de la cour du palais les bœufs qui avaient reçu la bénédiction royale et chacun faisait chez lui la même cérémonie de purification et d'actions de grâces: on trempait des joncs dans le sang des victimes et on les suspendait au-dessus de la porte de la maison afin de la sanctifier ainsi que ses habitants, puis on faisait griller les bosses des bœufs et, avec la graisse, on faisait des onctions sur la pierre levée qui est à la tête des tombeaux de famille en demandant aux ancêtres leur benediction» (В прошлом народность Мерина постилась весь месяц алухуци (12-й месяц малагасийского календаря), но

со временем эта традиция стала исчезать, и, в конце концов, ее стали соблюдать только лишь первые два дня месяца. Тем не менее с середины месяца все дела приостанавливались, те, кто были вдали от родных краев, старались по возможности вернуться в Имерину, чтобы отпраздновать фандруана в семье. <...> Запрещалось проливать кровь любого животного за пять дней до и после дня омовения, фандруаны, за исключением птицы, которую разрешалось съесть вечером этого дня. В течение пяти дней, предшествующих празднику, родственники и друзья, облачившись в свои самые красивые наряды, дарили друг другу в знак дружбы нуфункена, кусок мяса или дзакавула, мелкую серебряную монету и обменивались пожеланиями. <...> В предпоследний день в присутствии суверена и королевской знати для искупления грехов уходящего года главный прорицатель приносил в жертву красного петуха. Суверен и присутствующие смачивали ноготь левого указательного пальца кровью петуха и наносили ее на лоб, шею, живот, подмышки, а также на ногти и пальцы ног, давая ей возможность высохнуть. Что касается самого петуха, его увозили и выбрасывали. <...> В последний день года все купались и стирали одежду. Затем к 8 часам вечера во дворце проходила церемония омовения суверена, которая была одновременно и церемонией очищения, искупления грехов, совершенных в уходящем году, и церемонией благодарения, когда благодарили Бога за сохранение жизни и просили его благословения на будущее. Эта церемония предполагала: 1° омовение в люстральной, священной воде, которая, очистив суверена, использовалась для обрызгивания и очищения его подчиненных; 2° дарение одного пиастра, который вручался суверену каждой кастой народности мерина в знак преданности и верности, и 3° всеобщее причащение, татау, когда все присутствующие кушали рис, сваренный с молоком и политый медом, с дзакой, мясом, сохраненным с предыдущего праздника фандруана. <...> В первый день алахамеди (первый месяц малагасийского календаря) в 3 часа ночи каждая семья преподносила умершим родственникам подарок, а на рассвете к 5 часам утра люди желали друг другу счастливого Нового года и совершали ритуальные омовения со словами: «Благослави меня, мой Бог! Сделай так, чтобы я прожил тысячу лет в совершенном союзе с семьей!». После этого ели рис, сваренный с молоком и политый медом, и дзаку. При этом каждый член семьи должен был положить это перед едой на голову. <...> На рассвете во двор дворца сгоняли большое количество волов, чтобы они получили королевское освящение. <...> Как только суверен отправлял богослужение, волов, получивших благословение, выводили со двора дворца. После этого каждый проводил у себя дома ту же церемонию очищения и благодарения: тростник

смачивали кровью жертв и подвешивали над дверью дома, чтобы освятить и дом, и его жителей. После этого жарили горб волов, чей жир использовался для совершения помазания на камне семейных гробниц, попросив предков их благословение) [15, p. 169].

Таким образом, исследуемый материал позволяет говорить о том, что описание малагасийской культурно-языковой картины мира требует от малагасийцев-франкофонов выбора определенных языковых средств. С позиции теории реноминации ревербализация «чуждых» для французской лингвокультуры предметов/явлений внеязыковой действительности сводится к пяти типам, где наименее распространенным способом стало введение «своей» R-реалии (151 раз), вторым по распространенности стало использование «своей» C-реалии (369 раз). В процессе реноминации реалий авторы-билингвы куда больше отдают предпочтение введению «чуждой» L-реалии, что является самым распространенным способом как при передаче малагасийских C-реалий, так и при передаче малагасийских R-реалий. В общей сложности к введению «чуждой» L-реалии прибегли 883 раза, что, вероятнее всего, может свидетельствовать об их стремлении сохранить свою культурную целостность, идентичность.

Также исследование показало, что далеко не все реалии малагасийской действительности нашли отражение в словаре, некоторые из них нуждаются в конкретизации, поскольку либо содержат только описательный компонент значения, отражающий внешние и внутренние характеристики предмета/явления, либо функциональный компонент значения, отражающий назначение предмета/явления в жизненной практике малагасийцев. Поскольку многие компоненты значения слов актуализируются в контексте, то выписанные нами контексты способствуют более глубокому анализу структуры значения слова, а следовательно, подобное исследование могло бы помочь в лексикографической работе при составлении словаря малагасийских реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А. А. Лингвистическая теория реалии / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 7–13.
2. Фененко Н. А. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации / Н. А. Фененко. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 220 с.
3. Joamanoro D. Le mangeur de cactus / D. Joamanoro. – Paris : l'Harmattan, 2013. – 94 p.
4. Abinal A. Dictionnaire malgache-français : Mission catholique de Tananarive, Madagascar / A. Abinal, V. Malzac. – Ed. Maritimes et d'Ourte-Mer, 1955. – 876 p.

5. Фененко Н. А. Компенсация как категория переводоведения / Н. А. Фененко, А. А. Кретов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 89–94.

6. *Raharimanana J.-L.* L'arbre anthropophagi / J.-L. Raharimanana. – Paris : Joëlle Losfeld, 2004. – 257 p.

7. *Rajaonarimanana N.* Dictionnaire du malgache contemporain: malgache-français / français-malgache / N. Rajaonarimanana. – Paris : Ed. Karthala, 1995. – 403 p.

8. *Naivo.* Au-delà des rizières / Naivo. – Paris : Sépia, 2014. – 352 p.

9. *Djistera M.* Ramoamina. Contes betsimisaraka de Madagascar / M. Djistera. – Paris : l'Harmattan, 2013. – 88 p.

10. *Ranarivelo Ch.* Le panama malgache / Ch. Ranarivelo. – Paris : L'Harmattan, 2011. – 350 p.

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

Бузук И. Л., старший преподаватель кафедры романо-германской филологии

E-mail: kassarechi@mail.ru

Тел.: 8 (373)777-000-21

11. *Ramamonjisoa S. N.-L.* Le malgache sans peine / S. N.-L. Ramamonjisoa, N. Rajaonarimanana. – Ed. Assimil, 2011. – 510 p.

12. *Ramarosoa L.* Anthologie de la littérature malgache d'expression française dans les années 1980 / L. Ramarosoa. – Paris : L'Harmattan, 1994. – 255 p.

13. *Rafenomanjato C.-A.* Felana / C.-A. Rafenomanjato. – Paris : le Cavalier bleu, 2006. – 252 p.

14. *Joamanoro D.* Pirogue sur le vide / D. Joamanoro. – Paris : l'Aube, 2006. – 223 p.

15. *Grandidier M. G.* A Madagascar, anciennes croyances et coutumes / M. G. Grandidier. – Mode of access: http://www.persee.fr/doc/jafr_0037-9166_1932_num_2_2_1533

Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko

Buzuk I. L., Senior Lecturer of the Romance and Germanic Philology Department

E-mail: kassarechi@mail.ru

Tel.: 8 (373)777-000-21